

наталья
Александрова

НАТАЛЬЯ
Александрова

Бородатая женщина
желает
познакомиться

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Оформление *Ксении Щербаковой*

В оформлении серии «Следствие ведут...»
использована иллюстрация *Оксаны Мосаловой (Мошомедве)*

Любое использование материала данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Ранее книга выходила под названием
«Откройте принцу дверь».

Александрова, Наталья.

А46 Бородатая женщина желает познакомиться : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с.

ISBN 978-5-17-098631-6 (Следствие ведут...)

ISBN 978-5-17-098632-3 (Иронический детектив)

Василиса Селезнева, молодая симпатичная женщина, жила себе не тужила, пока в один прекрасный день не узнала об измене мужа. Дальше неприятности покатились как снежный ком, и в итоге бедная Вася осталась без мужа, без жилья и без работы. Но из любого даже самого безвыходного положения есть выход. И Василиса согласилась на пустяковую, как ей показалось, работенку — поработать няней огромного дога, пока его хозяева, супруги Ланские, уехали в отпуск за границу.

Однако вскоре Вася горько пожалела об этом, потому что супругов убили, а сама Василиса оказалась вовлечена в череду таких событий, о которых впору детективы писать...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-098631-6
ISBN 978-5-17-098632-3

© Н. Александрова, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

В южном Провансе, западнее Ниццы, Канн и Сен-Тропе, располагается Жьенский мыс. Это полоска земли шириной около двух километров, вытянувшаяся узким рукавом с севера на юг, как рука, протянутая Францией в сторону Африки. У основания мыса расположен небольшой город Иер, на южном, расширяющемся конце — совсем маленький городок Жьен, крошечный поселок Тур Фондю и несколько рыбацких деревушек. По краям мыса с одной стороны проложено шоссе, связывающее Жьен с остальным Провансом, с другой — велосипедная дорожка. Средняя часть мыса залита соленой водой, в которой неторопливо бродят стада розовых фламинго. По берегам моря вдоль мыса прячутся в пышной зелени белоснежные виллы.

Здесь не селятся звезды кино и шоу-бизнеса, как в Каннах, знаменитые дизайнеры и «новые русские», как в Сен-Тропе. Владельцы здешних вилл — немногословные, сдержанные люди, которым не нужна скандальная известность: ушедшие на покой

биржевые дельцы, финансисты, владельцы солидных фирм, известные адвокаты. Жизнь в окрестностях Жьена тихая и неторопливая, она течет по раз и навсегда заведенному порядку, как будто на дворе не двадцать первый век, а середина двадцатого, а то и конец девятнадцатого.

Каждое утро мадам Селье, экономка владельца виллы «Мадлен», приходит в маленькую кондитерскую на центральной площади Жьена, чтобы купить свежих круассанов и поболтать с хозяйкой заведения мадам Маню.

— Кажется, сегодня будет дождь, — говорит мадам Маню, аккуратно укладывая теплые круассаны в яркий пакет. — Надо будет убрать с улицы стойку с открытками...

— У вас чудесно расцвела японская камелия! — с пониманием отвечает мадам Селье. — Вы ее чем-то удобряете?

— Конечно! Если хотите, я дам вам немножко этого удобрения.

— Вот кого я совершенно не понимаю, так это господина из виллы «Ротонда», — продолжает мадам Селье, немного понизив голос. — Иметь такую прекрасную виллу, и огородить ее глухой стеной! Нет, я его совершенно не понимаю!

Действительно, среди остальных жьенских вилл, окруженных невысокими белыми стенами или ажурными коваными оградами, над которыми нависают пышные лиловые грозди цветущей глицинии, пламенеющие ветви бугенвиллии, разноцветные плети дамасской розы, вилла «Ротонда», окруженная глу-

хой трехметровой стеной, выглядела как мрачный военный корабль, случайно затесавшийся в яркую стайку нарядных прогулочных яхт.

— Вы знаете, я никогда не сплетничаю о соседях. — Мадам Селье перегнулась через прилавок и еще немного понизила голос: — Но Люсьен, садовник из «Мандарина», говорил, что этот господин из «Ротонды» — очень подозрительный тип! Он ни с кем не знается, никого не принимает... он не принял даже господина Лаватера, когда тот хотел нанести ему визит! Вы можете себе представить?

— И ничего не покупает у нас в городке! — встала мадам Маню, неодобрительно поджав губы. — Ему все привозят откуда-то издалека, на специальном грузовичке! Подумайте только — он обходится даже без свежих булочек!

— Говорят, он то ли португалец, то ли мексиканец, а может быть, даже русский!

— И гости к нему приезжают очень подозрительные! — подхватила булочница. — Вот, смотрите — как раз приехал еще один! Прямо как в каком-нибудь детективном фильме! Помните этот фильм... то ли с Жаном Габеном, то ли с Аленом Делоном...

Действительно, по узкой улочке проехал длинный черный автомобиль и затормозил перед воротами виллы «Ротонда».

Камера над воротами медленно повернулась, просканировала подъехавшую машину, и ворота виллы медленно раздвинулись, пропустив гостя внутрь.

Черный автомобиль миновал подъездную аллею, развернулся и затормозил перед входом на террасу.

К нему тут же подошли двое мужчин в черных, не по погоде, костюмах. Дверца автомобиля открылась, из него выбрался невысокий румяный толстяк лет шестидесяти с черным чемоданчиком в руке.

— Позвольте, доктор! — проговорил один из охранников, взяв из рук гостя чемоданчик.

Он отщелкнул замки, внимательно проверил содержимое. В то же время второй человек быстро и профессионально обшарил руками одежду прибывшего.

— Чисто! — Они обменялись взглядами, вернули гостю чемоданчик и пропустили его на террасу.

В дальнем конце этой террасы, откуда открывался изумительный вид на скалистые берега и лазурное, безмятежное море, дремлющее в полуденном покое, в глубоком кресле сидел крупный, внушительный старик. Густые седые волосы, зачесанные назад, высокий лоб, изрезанный морщинами, делали бы его лицо красивым и благообразным, если бы не глаза.

Глубоко посаженные, тускло-серые, они смотрели на гостя со странной смесью подозрительности, угрозы и страха. И еще в самой глубине этих глаз таилась надежда.

На столике перед стариком стоял полупустой стакан, тяжелая, морщинистая рука лежала на подлокотнике кресла, вторая — на холке большой белоснежной собаки.

— Здравствуйте, док! — проговорил старик, попытавшись сложить лицо в приветливую улыбку. — Как добрались?

— Прекрасно, Алекс, прекрасно! — Гость быстро огляделся, остановился взглядом на стакане.

— Сок, всего лишь сок! — криво усмехнулся старик. — Я же не самоубийца!

— Я надеюсь, что так! — Толстяк пожевал губами, покачал головой, наклонился над стариком, внимательно вглядываясь в его тусклые глаза с красными прожилками, в сухую, как старинный пергамент, кожу, в узкие губы нездорового синеватого оттенка. Он поставил на стол свой чемоданчик, открыл его, достал оттуда компактный кардиограф. Расстегнул пуговицы рубашки своего пациента, закатал рукава, закрепил на сухой коже электроды. С минуту следил за выползающей из прибора бумажной лентой, на глазах мрачняя.

— Ну что там, док? — осведомился старик с наигранной веселостью. — Сколько я еще протяну?

Толстяк молчал, потирая переносицу, и вдруг лицо старика исказилось яростью:

— Говори мне правду! Нечего разыгрывать тут дешевую мелодраму! Я не истеричная дамочка! Я должен знать, сколько мне осталось, с точностью до дня!

Белоснежная собака, почувствовав волнение хозяина, тоже забеспокоилась, настороженно заворчала.

— С такой точностью не знает никто, кроме Господа Бога! — толстяк испуганно отшатнулся. — Но я уверен, что у вас в запасе не больше двух месяцев...

Собака подняла голову, вопросительно взглянула на хозяина.

— Два месяца? — задумчиво переспросил старик, мгновенно успокоившись.

— Это в самом лучшем случае. Если вы будете строго выполнять мои предписания.

— Буду, — старик резко кивнул, — если мы сделаем то... то, о чем вы говорили?

— Ну... вы же знаете, какие в вашем случае возникают проблемы... — протянул толстяк, пряча глаза. — У вас очень, очень необычный случай! Можно сказать — уникальный!

— Это мои проблемы! — оборвал его старик. — Так вот — если мы это сделаем?

— В этом случае вы можете прожить еще очень долго, — врач суетливо потер руки. — Но только имейте в виду — я не хочу знать, как вы будете решать эти проблемы!

— Само собой, док, само собой! — успокоил его старик. — Но только вы уж будьте наготове!

— Разумеется. — Врач неторопливо убрал прибор, закрыл свой чемоданчик. — Вы — мой самый важный клиент, и я всегда в вашем распоряжении! Конечно, мне было бы гораздо спокойнее, если бы вы находились в госпитале, но, как я понимаю, вы на это не согласитесь...

— Правильно понимаете, док! Здесь я в безопасности, здесь я среди своих людей, а в госпитале ни в чем нельзя быть уверенным...

— Ну что ж, тогда придется положиться на Господа Бога...

— Проводите дока! — произнес старик совсем негромко, но как будто из жаркого полуденного воздуха мгновенно появился охранник в черном и повел врача обратно к машине.

— И позовите Агата! — добавил старик.

Едва машина врача отъехала от террасы, возле старика появился невысокий, худой человек неопределенного возраста с узким, бледным, невыразительным лицом.

При его появлении белоснежный пес насторожился, глухо заворчал, обнажив страшные клыки.

— Спокойно, Роджер, спокойно! — Старик потрепал собаку по шее и проговорил, обращаясь к вошедшему, не поворачивая головы и не повышая голоса:

— Агат, список готов?

— Конечно. — На стол лег листок бумаги с аккуратно отпечатанным на нем перечнем имен и адресов.

— Сколько здесь? — процедил старик, наморщив лоб и вглядываясь в записку.

— Семь человек, — отозвался Агат.

— Россия... — прочел старик, — Италия... Кения... Снова Россия... Камбоджа... Австралия... и опять Россия. Ну что ж, все ясно. Начинай. Сроку тебе — месяц. Ни одного дня сверх! Ты понял?

Агат кивнул, лицо его по-прежнему ничего не выражало.

— Сделаешь — не пожалеешь, — продолжил старик многозначительно. — Не сделаешь... — и он выразительно замолчал.

— Сделаю, — коротко ответил Агат.

Он взял со стола список, щелкнул зажигалкой. Желтый, почти невидимый на полуденном солнце язычок пламени лизнул бумагу. Агат, держа список

за уголок, дал ему разгореться, затем опустил пылающий листочек в пепельницу.

— Свободен, — отпустил его старик.

Едва Агат исчез за дверью, ведущей во внутренние помещения дома, на веранду выскользнула молодая миловидная горничная. Она подошла к старику, заботливо поправила сбившуюся подушку, заменила недопитый стакан сока свежим, забрала пепельницу и удалилась так же беззвучно, как пришла. Старик проводил ее равнодушным, невидящим, углубленным в себя взглядом.

Оказавшись на кухне, горничная огляделась, поставила на стол пепельницу с догоревшим спичком, достала из кармана своего кокетливого крахмального фартучка крошечный пузырек с пульверизатором и несколько раз брызнула бесцветной, остро пахнущей жидкостью на обугленную бумажку.

На черном фоне обугленной бумаги проступили серебристые, едва различимые буквы.

Горничная достала мобильный телефон, трижды сфотографировала на его камеру проявившуюся на бумаге надпись и тут же отослала снимки какому-то абоненту. Получив подтверждение приема, она тщательно размяла обугленный листок и смыла пепел в раковину сильной струей горячей воды.

Процедура сильно напоминала поступление в тюрьму, только сразу оговорюсь, что сведения мои почерпнуты исключительно из сериалов. Сами посудите: тебя сажают перед камерой и суровым голосом командуют: смотреть прямо перед собой, не улы-

баться, не кусать губы и не чесать нос. Потом повернуться в профиль и застыть, волосы не поправлять и не косить глазом по сторонам.

После того как у меня свело судорогой мышцы лица, молодой человек в наимоднейших очках, командовавший процедурой, смилостивился и разрешил повернуться анфас, только велел закрыть глаза. По инерции я собралась вытянуть перед собой руки, ибо происходящее стало здорово напоминать визит к невропатологу. Мне бы не помешало пообщаться с хорошим врачом, успокоительное бы выпил, что ли. Хотя что толку? Проблем моих никакое лекарство не решит, разве что мышьяк или лучше цианистый калий, чтобы уж наверняка и без мучений. А так получится как в старом анекдоте, доктор спрашивает: Помогло? Перестали просыпаться по ночам с жутким воем?» Больной отвечает: «По-прежнему вою, жена ушла, собака сбежала, но мне, доктор, после вашего лекарства все это теперь до лампы...»

— Откройте глаза, — скомандовал молодой человек, — и читайте стихи.

— Какие? — растерялась я.

— Любые, какие помните. — В голосе его я услышала явно выраженную скуку, и очки блеснули равнодушно.

Конец! Сейчас меня вытурят! Вожденная работа уплывала в туманную даль.

С перепугу я забыла, что приготовила на выбор два стихотворения Цветаевой и Ахматовой. То есть забыла, что учила вчера весь вечер. Из Цветаевой

всплыли две строчки: «И стон стоит вдоль всей земли:
«Мой милый, что тебе я сделала!»

Эти слова запали мне в душу накрепко, поскольку за последние две недели я повторяла их слишком часто. С Анной Андреевной же обстояло еще хуже — ну вообще не помню ни слова!

От полного отчаяния и безысходности я начала бормотать первое, что пришло в голову:

Грустно жить на этом свете,
В нем отсутствует уют.
Ветер воет на рассвете,
Волки зайчика жуют.

Плачет маленький теленок
Под ножом у мясника,
Рыбка бедная спросонок
Лезет в сети рыбака.

Бык ревет во мраке ночи,
Ветер воет на трубе,
Жук-буржуй и жук-рабочий
Гибнут в классовой борьбе...

Я понемногу начала входить во вкус, голос зазвенел.

— Это вы сами придумали? — спросил молодой человек и даже снял очки.

Теперь в глазах его блеснул несомненный интерес.

— Что вы! — мне было неудобно его разочаровывать. — Это Николай Олейников, из обереутов... А что, не подходит?

— Ну почему же, подходит. До вас все девушки Цветаеву читали — знаете, это «Мой милый, что тебе

я сделала?...» Вот я и удивился. А теперь прочитайте эти стихи лично для меня, как будто хотите сделать мне что-то хорошее.

Вообще-то это я хотела, чтобы он сделал мне кое-что хорошее, а именно: из всех ста пятидесяти кандидатов, присутствующих на кастинге, выбрал бы меня. Кастинг проводился для фильма о первой русской женщине-авиаторе, и режиссер, как мне объяснили, устал от засилья на экране одних и тех же опостылевших физиономий, и продюсеры разрешили ему искать героиню среди обычных женщин, даже не обязательно актрис. И летать уметь необязательно, это-то для меня важно, потому что я не только летать, я на велосипеде-то кататься толком не умею, не говоря уж о вождении автомобиля. А в любовники героини возьмут, к примеру, Машкова или Меньшикова, или Хабенского, тогда публика пойдет, просто валом повалит, и будут хорошие сборы. А если фильм будет иметь успех, то я прославлюсь и получу потом много ролей. Стану много сниматься, мои фотографии обойдут все журналы...

Перед глазами замелькали кадры: вот я в московском Доме кино на премьере, вот в сопровождении режиссера стою на знаменитой красной дорожке в Каннах, вот — полный триумф! — я на «Оскаре» в шикарном вечернем платье, и Николь Кидман и Пенелопа Крус провожают меня завистливыми взглядами... И где-то там, вдали, у плохо работающего телевизора сидят Альбина с Володькой и смотрят на меня — такую красивую, богатую, знаменитую и недоступную.